

Евгений Абдуллаев

ДИВНЫЙ НОВЫЙ КАНОН

Лето 2020-го стало летом двух пандемий.

Какая — первая, к сожалению, известно; речь пойдет о второй, чьи культурные последствия могут быть не менее серьезны. О монументоборчестве.

Памятники обмазывают краской, памятники сносят, на месте одних ставят другие.

Можно, конечно, сразу этот разговор притормозить и спросить, при чем тут Россия (и шире — постсоветское пространство), если все это происходит в Штатах и Западной Европе? И при чем тут современная русская литература, которой посвящены наши «барометры»?

«Борьба с памятниками» в наших палестинах не особо актуальна, хотя идет, как минимум, с начала девяностых. В России она связана, главным образом, с отношением к советскому прошлому и к его ключевым фигурам. В других постсоветских республиках — иногда приобретала еще и антиколониальные обертоны¹. Но там с «колониальными» памятниками боролась, в основном, местная номенклатура, и волна эта улеглась довольно быстро. К началу нулевых все особо «раздражавшие» монументы ушли на переплавку, а улицы и площади украсились изваяниями местных национальных героев, гетманов, ханов и богатырей...

То, что мы наблюдали этим летом, меньше всего похоже на номенклатурные «нациостроительные» игры.

Это монументоборчество — *снизу*. Логику в нем — как и в том, которое *сверху*, — искать бессмысленно; кроме одной — логики утверждения новых иерархий. И не только политических. Затронутыми оказались и смежные культурные области.

В июне измазали краской мраморную статую Вольтера в Париже. Причина? Вкладывал деньги во французскую Вест-Индскую компанию, промышленявшую работоторговлей. То, что Вольтер был одной из ключевых фигур европейского Просвещения, в расчет не принималось. Хотя, вроде бы, именно Просвещение, уравнив всех людей в правах, нанесло первый удар по расизму.

Другой неожиданный объект — Махатма Ганди. Кто, как не Ганди, способствовал крушению колониальной системы? Обнаружили в письмах периода его пребывания в ЮАР расистские высказывания. Вначале измазали статую в Вашингтоне, через несколько дней — в Лондоне.

Но дело даже не в памятниках литераторам или мыслителям, которые имели отношение к тому, что сегодня считается расизмом и колониализмом. Памятники, уличные протесты — верхушка айсберга.

¹ Как, например, борьба вокруг памятника основателям Одессы; Екатерина Вторая, чья фигура венчает памятник, как известно, упразднила гетманство... Или уничтожение еще в 90-е памятников Горькому и Гоголю в Ташкенте.

Идет перетряхивание западного литературного канона.

Канон этот еще недавно казался незыблемым. Бывали и попытки ревизии: одних не устраивало неуважительное отношение Рабле к церкви, других — Шекспира к женщинам, третьих — Киплинга к азиатским и африканским народам... Но при этом все же не забывалось, что эта канонизация связана с *литературными* заслугами, а не с социальными, религиозными и прочими взглядами авторов. И, во-вторых, то, что сегодня может восприниматься как проявление расизма, шовинизма и т. д. в то время, когда эти авторы жили и писали, таковым могло не считаться.

Но эти доводы постепенно перестают работать. Меняется по своему этносовставу читательская аудитория; в США и Западной Европе в ней все больше читателей, условно говоря, неевропейского происхождения. И это, пожалуй, самое серьезное испытание для универсальности европейского литературного канона.

Возникает новый тип чтения классики — *обиженное* чтение.

«...Как американка турецкого происхождения, я не могу не регистрировать все случаи пренебрежительного отношения к туркам, с которыми я встречалась в европейских книгах»¹. Приводятся примеры: Достоевский, Лоуренс, Де Куинси, Агата Кристи...

Это — не выкрик в соцсетях; это — «The New Yorker», один из лучших американских толстых журналов. Статья называется «Читая расистскую литературу» (апрель, 2015).

Таких высказываний можно привести десятки. Возникла целая литературоведческая индустрия выискивания расистских и колониальных цитат. Цель — фактически та же, что и у нынешнего монументоборчества. Не скинуть с пьедестала — так хотя бы чем-то измазать.

И исходит это не только от американцев или европейцев, чьи родители или дальние предки жили в одной из азиатских или африканских стран. Они лишь подхватывают ту риторику, которая циркулирует где-то с восьмидесятых. Риторику, создателями и носителями которой были отнюдь не выходцы из третьего мира.

Риторика эта начиналась с вполне разумных призывов к толерантности и с критики колониализма. Потом в какой-то момент началось ее вырождение, подмена. Среди потомков киплинговского «белого человека» стал распространяться (опять напрашивается сравнение с пандемией) комплекс вины, приобретающий порой мазохистские формы.

Можно, например, вспомнить выставку известного фотографа Роберта Мэпплторпа «Черные мужчины» (1986); на одной из фотографий чернокожий мужчина мочится в рот белокожему.

Или нашумевший роман Джона Кутзее «Бесчестье» (1999); действие, напомним, происходит в ЮАР после отмены апартеида. Профессор и его дочь-лесбиянка живут где-то в глухомани; трое африканцев избивают профессора и насилуют дочь. Что делает дочь, придя в себя? Обратиться в полицию она отказывается. Желает избыть грех белокожих предков-колонизаторов...

Для России все это, на первый взгляд, не так актуально. Но только — на первый.

Пусть после девяностых всплесков монументоборчества не наблюдалось — подспудно процесс идет. И проблема «советского наследия» в нем постепенно отступает, а на передний план выходит, опять же, «антиколониальная».

В прошлом году против установки памятника Ермаку в Омске выступили активисты местной национально-культурной автономии татар. В этом году, в июне, группа представителей тюменской татарской общественности выразила протест против

¹ «...As a Turkish American, I couldn't prevent myself from registering all the slights against Turkish people that I encountered in European books» (Batuman E. Reading racist literature // The New Yorker. April 13, 2015. <https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/reading-racist-literature>).

установки в городском парке Тобольска гранитного креста в память, опять же, 435-летия со дня гибели Ермака.

В июне в Адлере, на месте первого русского форта, построенного в 1837 году, открыли памятный знак, посвященный русским солдатам, погибшим на Кавказской войне. Тут же с протестом выступила Общественная палата Абхазии и группа черкесских активистов. Менее чем через две недели после открытия памятного знака администрация Сочи его демонтировала.

Вопрос, кто здесь прав, а кто — нет, оставляю за скобками. Свои резоны есть и у тех, кто стремится увековечить память покорителей новых территорий, и у тех, кто этому всячески сопротивляется. К счастью, пока вполне легитимными путями, без разрушения или обмазывания краской. Интереснее здесь другое: перекинется ли эта начавшаяся схватка за мемориальный канон на канон литературный?

Работорговлей никто из русских классиков не обогащался. Но что касается расистских или шовинистических высказываний... Точнее, того, что сегодня *можно истолковать* как расизм или шовинизм.

Не случайно вскоре после волны разрушений памятников в США и Европе в одном интервью проскочило: «Нужно быть готовым к тому, что они (процессы сноса памятников личностям, связанным с рабовладением. — *Е.А.*) коснутся не только вышеупомянутых персонажей, но и, например, ...Достоевского, чьи книги — часть мирового культурного наследия, но от этого он не перестает быть шовинистом»¹.

И дело вряд ли ограничится одним Достоевским.

Расстояние от Ермака или участников Кавказской войны — до русской классики не такое уж большое. Рылеевская «Смерь Ермака» («Ревела буря, дождь шумел...») вошла в канон русской эпики, стала народной песней. Трагедия «Ермак» Хомякова с успехом шла на сцене; Пушкин задумывал поэму «Ермак»...

Пушкин, кстати, может оказаться одной из первых мишеней. Эвенки на «ныне дикого тунгуса» вряд ли обидятся; поляки — далеко; а вот за «Смирись, Кавказ!..» попасть поэту может. И не ему одному. Гоголю — за турок и татар, Гончарову — за расизм («полудикие туземцы»)... Чехову за «там чеченцы и сколопендры...» Ну и что, что из частного письма — Ганди тоже об африканцах не *urbi et orbi* отзывался. Был бы повод.

И посыплются «памятники нерукотворные», и встанут на месте их другие (мемориально место пусто не бывает). Тем, чьи строки ничьи национальные и расовые чувства не трогают. И другие чувства, скорее всего, тоже.

Нет, это не призыв оберегать русский литературный канон от всяких изменений и вторжений. Меняется время, меняется литература, меняется ее канон. Просто не хотелось бы, чтобы эти изменения происходили таким вот образом. Просто бы не хотелось.

¹ В Европе, США и Австралии крушат монументы колониального прошлого — пострадали даже памятники королеве Виктории. Разве это не варварство? [Беседа с редактором «The Garage Journal» Андреем Завадским] // Meduza. 19 июня 2020 г. (<https://meduza.io/feature/2020/06/19/v-evrope-ssha-i-avstralii-krushat-monumenty-kolonialnogo-proshlogo-postradali-dazhe-pamyatniki-koroleve-viktorii-razve-eto-ne-varvarstvo>).